

УДК 94(470.342)-051

Общественная и благотворительная деятельность татарского дворянства Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.

A. M. Рафиков,

Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
г. Набережные Челны,
Республика Татарстан

Social and charitable activities of the Tatar nobility of the Vyatka province in the late XIX – early XX century

A. M. Rafikov,

*Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University,
Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan*

Аннотация

В статье характеризуется социальная жизнь татарского дворянства Вятско-Камского края на рубеже XIX-XX вв. Вятская губерния являлась одним из полигэтнических административно-территориальных образований Российской империи. На ее территории традиционно проживали русские, удмурты, марийцы, коми-пермяки, башкиры и некоторые другие народы. В юго-восточных уездах региона (Елабужском, Малмыжском, Уржумском и Сарапульском) была высока доля татарского населения, составлявшая в конце XIX – начале XX в. более 125 тыс. человек. Среди мусульманского населения губернии преобладало крестьянство, вместе с тем заметное участие в социальной жизни региона в пореформенный период принимали татарское купечество и особенно дворянство. Автор приводит данные о численности дворян-татар в Вятском крае, определяет факторы, влиявшие на характер и степень проявления их гражданской активности, анализирует основные направления общественной и благотворительной деятельности представителей привилегированного сословия. Проведенное исследование позволяет сделать выводы о влиянии на внутреннюю жизнь татарского населения Вятско-Камского региона внутрироссийских процессов и явлений конца XIX – начала XX в., а также основных тенденций социальной трансформации тюрко-мусульманского мира России в этот период. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что в Вятской губернии сформировался эффективный, гибкий механизм взаимодействия власти и органов местного самоуправления с многочисленным мусульманским населением, важным элементом которого являлась гражданская позиция татарского дворянства.

Abstract

The article characterizes the social life of the Tatar nobility of the Vyatka-Kama region at the turn of the XIX-XX centuries. The Vyatka province was one of the polyethnic administrative-territorial entities of the Russian Empire. On its territory, traditionally lived Russian, Udmurts, Mari, Komi-Permyaks, Bashkirs and some other peoples. In the southeastern districts of the region (Yelabuga, Malmyzh, Urzhum and Sarapul), the share of the Tatar population was high, amounting to more than 125 thousand people

at the end of the XIX – beginning of the XX century. Among the Muslim population of the province, the peasantry prevailed, while at the same time, the Tatar merchants and especially the nobility took an important part in the social life of the region in the post-reform period. The author provides data on the number of Tatar nobles in the Vyatka Region, determines the factors that influenced the nature and degree of manifestation of their civic activity, analyzes the main directions of social and charitable activities of representatives of the privileged class. The conducted research allows to draw conclusions about the influence on the internal life of the Tatar population of the Vyatka-Kama region of the internal Russian processes and phenomena of the late XIX – early XX century, as well as the main trends of social transformation of the Turkic-Muslim world of Russia in this period. An analysis of archival documents shows that in Vyatka province an effective, flexible mechanism of interaction between the authorities and local self-government bodies with a large Muslim population was formed, an important element of which was the civil position of the Tatar nobility.

Ключевые слова

Вятская губерния, татарское дворянство, общественная деятельность, благотворительность, социальная жизнь, органы местного самоуправления, национальное образование, тюрко-мусульманский мир России.

Keywords

Vyatka Province, Tatar nobility, social activities, charity, social life, local self-government bodies, national education, Turkic-Muslim world of Russia.

Изучение социальной истории и истории сословий – важное направление в отечественной гуманитарной науке. Значительный комплекс работ по данной проблематике посвящен дворянству, являвшемуся культурной и политической элитой дореволюционной России¹. Вместе с тем в историографии вопроса заметно преобладает тенденция исследования деятельности крупного дворянства, в то время как региональному средне- и мелкопоместному дворянству и особенно нациальному уделяется мало внимания². Между тем не вызывает сомнения, что именно дворянство, как наиболее просвещенная и состоятельная часть общества, во многом формировало облик российской провинции.

Влияние дворян на политическую и общественно-экономическую жизнь было ощутимо даже в тех регионах, где численность представителей привилегированного сословия являлась незначительной. К таким административно-территориальным образованиям относились и Вятская губерния, на территории которой из-за невысокой плодородности большей части земель крепостное право и поместное землевладение не получили широкого распространения.

По сведениям на 1870 г., дворяне и чиновники составляли 0,2 % численности жителей Вятского края, а к концу XIX в. – 0,3 %³. Тем не менее, с учетом всего более чем трехмиллионного населения губернии даже этот скромный показатель при переводе в цифровые данные составлял 10 007 человек. В основном дворянское землевладение было представлено на юге Вятско-Камского края, отличавшемся наличием плодородных пашенных угодий. Еще одна особенность этой территории состояла в наличии полигэтничного по составу населения, среди которого имелось много татар, что объяснялось близостью к Казанской губернии. По этой причине здесь, в частности в Елабужском уезде, было сконцентрировано и национальное дворянство.

По нашим подсчетам, на рубеже XIX-XX вв. в Елабужском уезде и в Вятской губернии в целом проживали или имели собственность представители одиннадцати дворянских татарских фамилий: Абдараманчиковы, Бигловы, Бикмаевы, Еникеевы, Сакаевы, Тевкелевы, Халитовы, Чингизы, Шейх Али, Юнусовы, Ямбулатовы. При этом династии Сакаевых, Еникеевых, Чингизов и Ямбулатовых

являлись княжескими, а, следовательно, принадлежали к титулованному дворянству.

Конец XIX – начало XX в. стали временем заметной активизации общественной жизни России, вызванной развитием системы органов местного самоуправления, событиями первой российской революции 1905–1907 гг., войнами начала XX столетия, другими объективными процессами и явлениями. Заметным подъемом в этот период характеризовалась и социальная жизнь в Вятской губернии, активное участие в которой принимало татарское дворянство.

Выражением этой общероссийской тенденции стало возросшее представительство дворян-татар в земских и городских учреждениях. Анализ журналов заседаний Елабужского уездного земского собрания свидетельствует о том, что в разные годы гласными органов местного самоуправления избирались Мирсаид Якупович Юнусов (1873–1875 гг.), Биктимир Мухаметамильевич Абдараманчиков, Кутлу-Мухаммед Павлович (Батыргиреевич) Текелев (1885–1887 гг.), Омар Сулейманович Еникеев (1888–1893 гг.), Ибрагим Рахматуллович Халитов (1894–1902 гг.), Чингиз Измаил бек Ахматгиреевич (1906–1911 гг.), Акрам Мухаметшанович Биглов (1909–1911 гг.). Б. М. Абдараманчиков, И. Р. Халитов, М. Я. Юнусов, И. А. Чингиз являлись также гласными Вятского губернского земского собрания, а последний и Елабужской городской думы в четырехлетие с 1906 г.

Выполняя обязанности гласных органов местного самоуправления, представители татарского дворянства зарекомендовали себя ответственными, деятельными, авторитетными и образованными людьми. Об этом свидетельствует их активное участие в решении ряда важных вопросов, имевших общегубернское значение.

В 1894 г. в России проводилась реформа медицинских учреждений, связанная с принятием лечебного устава. Введением новых правил организации медицинской части занималось и Елабужское земство, создавшее для этого особую комиссию, в состав которой наряду с врачами, а также шестью другими гласными органов местного самоуправления вошел И. Р. Халитов. Результатом работы комиссии стало принятие ряда постановлений предполагавших, что новый лечебный устав вступит в действие с 1 января 1895 г. Предусматривалось также введение постоянного дежурства фельдшеров в участковых и земской городской больнице, увеличение количества мест для больных во всех санитарно-медицинских учреждениях уезда. Важными льготами для местного, особенно малоимущего, населения стали отмена дополнительных сборов «с больных, желающих пользоваться улучшенным содержанием» и освобождение от платы за медицинскую помощь «всех земских плательщиков»⁴. Таким образом, благодаря работе комиссии реформа медицинских учреждений в Елабужском уезде прошла успешно.

Значительный вклад в развитие социально-бытовой инфраструктуры Елабужского уезда был внесен гласным городской думы И. А. Чингизом, одним из характерных эпизодов общественной деятельности которого являлось участие в работе комиссии «для наиболее правильного назначения и раздела городских лугов». На первый взгляд этот вопрос может показаться мелким и незначительным, но в действительности он затрагивал интересы существенной части населения г. Елабуги. Суть проблемы заключалась в том, что прилегавшие к уездному центру земли, отведенные под сенокосные угодья, должны были принадлежать только городским жителям, имевшим паспортную прописку. На практике ими пользовались и другие лица, в частности местные крестьяне, у которых были и деревенские сенокосы. Купцы и мещане неоднократно обращались в городскую думу с просьбами запретить пользование городскими сенокосами представителям крестьянского сословия. Они просили также лишить права пользования сенокосными угодьями

«тех лиц из купцов и мещан, которым не нужно сено и которые продают свои участки»⁵. Трудная задача по перераспределению всего земельного фонда города, а также по установлению новых норм душевых наделов была успешно решена комиссией в течение 1908 г.

Говоря об общественной деятельности И. А. Чингиза, важно подчеркнуть, что он являлся самым состоятельным из всех дворян-татар Вятской губернии и имел возможность постоянно проживать в Санкт-Петербурге⁶. Тем не менее, это не являлось препятствием для частых посещений князем Елабуги с целью участия в сессиях земского собрания.

Татарское дворянство проявляло озабоченность и в отношении обеспечения полноценного функционирования всей системы органов местного самоуправления. В 1888 г. О. С. Еникеевым было высказано «особое мнение» гласным, которым он оспорил легитимность выборов членов Елабужской уездной земской управы. Обращая внимание на нарушение ряда статей Положения об уездных и губернских земских учреждениях, он отмечал, что «...в члены управы оказались избранными те лица, которые в своих избирательных съездах не выбраны в гласные»⁷.

Показательно, что проблемой нарушения земского избирательного законодательства были озабочены и местные власти, о чем в середине 1880-х гг. говорил в донесениях министру внутренних дел губернатор А. Н. Волков. «В текущем году производились выборы земских гласных на новое трехлетие. Избрано около 1/3 прежних гласных... Бывшие при прежних выборах подкупы преимущественно через подпаивание крестьян вином повторилось и ныне, но только с большею осторожностью, – подкупы желающими попасть в гласные производились через посредство других лиц», – отмечал Аполлон Николаевич⁸.

В целом общественная деятельность татарского дворянства в органах местного самоуправления отличалась активным и разносторонним характером. Подтверждением этого могут служить многочисленные факты единовременного участия дворян-татар в работе различных комиссий и присутствий, создаваемых земскими и городскими учреждениями. В этом отношении заслуживает внимания послужной список М. Я. Юнусова, который, будучи уездным и губернским гласным, состоял также почетным мировым судьей Елабужского уезда, членом ревизионной комиссии местного земства и уездного по воинской повинности присутствия.

Следует отметить, что приведенные факты свидетельствуют не только об оживлении общественной жизни в России в конце XIX – начале XX в., но и о важных изменениях, происходивших внутри тюрко-мусульманского мира, для которого этот период стал своего рода ренессансом. По всей стране наблюдалось активное строительство мечетей, открывались конфессиональные школы, библиотеки, основывались различные общества, союзы, организации и государственные власти не препятствовали этому. Постепенно в среде наиболее образованной и передовой части мусульманского общества стали укрепляться идеи о том, что сотрудничество с правительством не таит в себе никакой опасности – наметилась тенденция к сближению с русской культурой и установлению конструктивного диалога с властью. Одним из ее проявлений стала активизация деятельности мусульман в земских и городских учреждениях. Подтверждением этого служат и общественные инициативы татарского дворянства Вятской губернии, участвовавшего в работе органов местного самоуправления, а также различных комиссий, создаваемых при них, совместно и наравне с другими гласными.

Значимость подобной гражданской позиции во многом определялась и тем фактом, что большая часть татарского общества, особенно крестьян, по-прежнему жила очень изолировано и с недоверием относилась к любым инициативам,

исходившим от правительства. В Вятской губернии имели место случаи, когда в татарские деревни не пускали счетчиков, занимавшихся проведением первой Всеобщей переписи населения. В 1896 г. рядом с деревней Сардыкбаш Малмыжского уезда были снесены новые дорожные указатели, во внешнем виде которых (на указателях изображалась рука с простертым пальцем) татары усмотрели «сломление руки, коим православные священники благославляют народ»⁹.

В документах содержатся сведения и о других проявлениях недовольства. Особенно остро стояла проблема, связанная с национальным образованием. Политика центрального правительства в этом вопросе носила двойственный характер. С одной стороны, чиновники Министерства народного просвещения руководствовались в своих действиях указом от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», который предписывал необходимость создания русско-татарских школ, а также открытие «русских классов» при мектебе и медресе, с другой – современные исследователи едины во мнении, что по отношению к мусульманам на рубеже XIX-XX вв. в России действовал принцип полной терпимости, – «насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка»¹⁰. Поэтому основу реформы «инороднического» образования в рассматриваемый период составлял общий для всей системы просвещения принцип, согласно которому обучение рассматривалось как способ воспитания дисциплинированных подданных, «...а потому – как универсальное средство решения политических и социальных проблем»¹¹. Таким образом, никому из здравомыслящих представителей высшей сановной бюрократии конца XIX – начала XX столетия не могла прийти в голову мысль о постепенной подмене с помощью новшеств в системе обучения исламских ценностей – христианскими. Путь единения многонациональной страны виделся в воспитании подданных, являющихся полноценными гражданами России, и в случае с татарами для этого необходимо было внедрить в систему их образования светский элемент, базирующийся на знании русского языка и законов.

Однако осознание важности этих преобразований и их истинного назначения медленно приходило в широкие массы всего 14-миллионного, занимавшего второе по численности после русских место, мусульманского населения страны. Волнения, связанные с открытием русско-татарских школ, имели место и в Вятском krae¹². В связи с этим важным являлся тот факт, что инициатива создания данных учебных заведений нашла поддержку со стороны татарского дворянства губернии. В 1896 г. в Елабужское уездное земское собрание поступило заявление от учителя Б. М. Мратова, в котором он сообщал о желании местной помещицы Уммы Гульсум Сеитгареевны Шейх Али предоставить благоустроенное помещение с отоплением для русско-татарской школы в деревне Шаршада. В результате органы местного самоуправления постановили: «открыть две русско-татарские школы в Варзях и Шаршаде, если будет со стороны частных лиц предоставлена квартира и отопление и ассигновать на эти школы по 150-300 руб., внеся в смету на 1897 г.»¹³.

Помощь русско-татарским школам оказывали и другие дворяне-татары Вятской губернии, часто бравшие на себя обязанности их попечителей. В разные годы эту должность занимали И. Р. Халитов (Терсинское училище, 1897-1899 гг., Балтачевское училище, 1899-1901 гг.); И. А. Чингиз (Варзинское училище, 1906-1908 гг.); К. И. Бикмаев (Мордвинское училище, 1908-1910 гг.).

В целом благодаря усилиям татарского дворянства и отчасти купечества к 1908 г. в Елабужском уезде функционировало 11 русско-татарских школ:

Биктовская, Назарянская, Варзинская, Ново-Аккузская, Балтачевская, Сарсазская, Мордвинская, Бондюжская, Камаевская, Шаршадинская, Терсинская¹⁴. Этот факт свидетельствовал о том, что позиция национальной элиты постепенно меняла отношение татарского населения региона к политике центральных и местных властей в сфере образования «инородцев», направляя его в позитивное русло. Обозначившаяся тенденция к установлению конструктивного социального диалога была быстро подмечена современниками. «Татарское население, назад тому 25 лет неохотно принимало у себя школы, а теперь само постоянно ходатайствует», – констатировал в 1896 г. гласный Елабужского уездного земского собрания А. Г. Донецкий¹⁵.

Изменению отношения мусульманской общественности к русско-татарским школам во многом способствовала также позиция органов местного самоуправления, понимавших важность сохранения для татар и традиционной системы образования. С начала XX в. при Елабужском земстве постоянно функционировала комиссия по распределению денежных средств между медресе и мектебе уезда. Ежегодно на эти цели выделялась 1000 руб., а распоряжалась финансами специальная комиссия, в состав которой, наряду с гласными, входили муллы, представители татарского купечества и дворянства, в частности князь И. А. Чингиз¹⁶. Благодаря этой субсидии, являвшейся важным подспорьем для национальных учебных заведений татар, существовавших по традиции только за счет частных пожертвований, количество мектебе и медресе в Елабужском уезде постоянно росло¹⁷.

Дворяне-татары в свою очередь охотно шли навстречу интересам органов местного самоуправления и оказывали помощь земским образовательным учреждениям. Так, И. Р. Халитов дважды становился членом попечительского совета Елабужской женской гимназии (в трехлетия с 1896 и 1899 гг.). Эти же обязанности в период с 1907 по 1915 г. выполнял И. А. Чингиз, являвшийся одновременно почетным попечителем Елабужского училища слепых детей и членом училищного уездного совета от земства (в трехлетие с 1907 г.)¹⁸.

О неравнодушном отношении татарского дворянства Вятской губернии к делу развития просвещения в целом наглядно свидетельствовала еще одна инициатива. В 1909 г. А. Ш. Биглов предложил Елабужскому земству материально поддержать проект открытия в Казани высших женских медицинских курсов. Этот вопрос вызвал острую дискуссию среди гласных, которые в итоге постановили передать его на рассмотрение управы, а та, в свою очередь, приняла решение отказать просьбе дворянина за недостатком средств¹⁹.

Таким образом, к началу XX в. в Вятской губернии сформировался двусторонний, гибкий, эффективный механизм взаимодействия между органами местного самоуправления и мусульманским населением, важным элементом которого являлось татарское дворянство, выступавшее как передовая общественная сила, нацеленная на конструктивные взаимоотношения с властью.

Между тем по мере того как общественное движение среди мусульман России и за ее пределами (в Турции и других странах) продолжало набирать силу, в нем появился политический контекст, приобретавший в условиях дестабилизации внутренней жизни страны в период революции 1905-1907 гг. и Первой мировой войны характер национального движения под лозунгами пантюркизма.

Отголоски этих процессов дошли и до Вятской губернии. Так, панисламистские взгляды разделял дворянин О. С. Еникеев, который занимался сбором денег для оказания помощи Турции в Балканских войнах 1912-1913 гг.²⁰

Вместе с тем это лишь единичные факты. В Вятской губернии, находившейся на периферии тюрко-мусульманского мира страны, идеология пантюркизма никогда не была популярной, ее носителями выступали отдельные лица, с фанатизмом которых не следует отождествлять общие настроения масс. Подтверждением этого являлись многочисленные благотворительные инициативы татарского населения, направленные на помощь российской армии в годы Первой мировой войны. Один из таких примеров связан с именем дворян Халитовых, учредивших в 1915 г. Елабужское отделение «Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям». К сожалению, плохая сохранность архивных документов не позволяет проследить основные направления его деятельности²¹.

Бурные события внутренней жизни России начала XX в. открывали широкие возможности для активной деятельности мусульман не только на местном, но и на центральном уровне. В этом отношении показательна биография Кутлу-Мухамеда Батыргиреевича Тевкелева, происходившего из знатного крещено-татарского рода, находившегося на государственной службе еще со времен Петра I. К.-М. Тевкелев, родителями которого являлись крупные елабужские дворяне-землевладельцы, получил образование в Санкт-Петербургском пажеском корпусе. В 1870-1885 гг. служил офицером в Казачьем лейб-гвардии полку, был участником русско-турецкой войны 1877-1778 гг. Вышел в отставку в чине полковника, вернулся на родину, где избирался гласным Елабужского уездного земского собрания. После переезда в конце 1880-х гг. в Уфимскую губернию являлся гласным Уфимской городской думы, губернского земства, почетным мировым судьей и предводителем дворянства Белебеевского уезда.

В 1905 г. вступил в партию «Иттифак эль муслимин». В 1906-1912 гг. избирался депутатом Государственной Думы первого-четвертого созывов, где входил в состав конституционно-демократической и мусульманской (стал председателем с 1907 г.) фракций, а также различных комиссий: продовольственной, по местному самоуправлению, по рабочему вопросу, по переселенческому делу, по военным и морским делам и других. По мнению многих современников, К.-М. Тевкелев являлся одним из наиболее образованных, влиятельных и уважаемых мусульманских депутатов.

В июне 1914 г. он стал организатором Мусульманского съезда, посвященного вопросам реформирования религиозного управления. В 1916 г. участвовал в конгрессе народов России, проходившем в Лозанне, а также в составе специальной комиссии совместно с депутатами Думы А. Ф. Керенским и М. Чокаевым расследовал события мусульманских волнений в Туркестане. В ходе изучения обстоятельств дела было установлено, что причиной беспорядков, повлекших большие человеческие жертвы, стало необдуманное распоряжение председателя Совета министров Б. В. Штюремера о мобилизации в армию 200 тысяч местных жителей для рытья окопов на фронте. По законам того времени мусульманское население вообще не подлежало призыву на военную службу. К тому же приказ вышел летом – в разгар сбора хлопка. Выступив с разоблачительными заявлениями против высших должностных лиц местного и центрального управления, допустивших превышение власти в Туркестане, члены комиссии завоевали популярность в демократических кругах. Позже для А. Ф. Керенского это стало одним из шагов на пути к руководству Временным правительством, а К.-М. Тевкелев после февральской революции 1917 г. был избран членом Временного центрального бюро мусульман России. Однако вскоре он отошел

от активной политической деятельности. Дальнейшая судьба, время и место смерти Кутлу-Мухамеда Батыргиреевича не известны²².

В целом пример К.-М. Тевкелева и других дворян-татар Вятской губернии свидетельствует о том, что в их общественной деятельности гармонично сочетались общегосударственные, губернские и национальные интересы. Последние отчетливо просматривались на примере благотворительности, которая традиционно регламентировалась правилами Шариата. В связи с этим наиболее крупные пожертвования направлялись на нужды культово-религиозных учреждений. Этот вывод находит подтверждение и на материалах Вятско-Камского региона.

Широкую известность как щедрые благотворители в Вятской губернии получили дворяне Шейх Али. Летом 1890 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание поступило заявление от жителей деревни Шаршада Елабужского уезда, в котором излагалось ходатайство о необходимости строительства здесь мечети, «...так как от этого селения приходская мечеть отстоит в 30 верстах». В своем обращении просители особо подчеркивали, что «...все расходы по строительству в селении Шаршаде новой мечети принимает на себя через своего доверенного Багаутдина Мратова землевладелица, полковнича Гульсум Сеитгареевна Шейх Али»²³.

Строительство мечети, сохранившейся до сегодняшних дней, завершилось в 1891 г. Она была срублена из сосновых бревен и имела традиционную внутреннюю композицию – вдоль продольной оси располагались михраб, основной молельный зал, вестибюль, минарет с проходом, крыльцо. Памятник культовой архитектуры отличало нестандартное внешнее оформление, сочетавшее в себе «традиции сельского татарского зодчества с мавританскими и древнерусскими мотивами»²⁴.

Ряд мечетей в Терсинской волости Елабужского уезда был построен на средства дворян-татар Тевкелевых. Одна из них находилась в деревне Терси и была воздвигнута братьями Алексеем, Александром и Павлом Тевкелевыми еще в 1826 г. Эта мечеть бессменно удовлетворяла духовные нужды жителей Терсей более 90 лет и сохранилась до октябрьской революции 1917 г. Из описания памятника культово-религиозной архитектуры, составленного в 1916 г., известно, что мечеть представляла собой огромное каменное здание, крытое железом. Она состояла из трех помещений: «первое – шириной 16 аршин, длиною 20 аршин с восьмью окнами, второе – длиною 9 аршин, шириной 16 аршин, третье – длиною 4 аршина и шириной 16 аршин с четырьмя окнами в каждом, высота комнат 9 аршин, наверху имеется двухэтажный минарет, высота мечети с минаретом до 17 саженей»²⁵.

За вековой период функционирования мечеть изрядно пострадала от времени, и к началу XX в. требовалось проведение капитального ремонта. Ходатайствуя о выделении средств на эти цели, жители Терсей указывали, что «как снаружи, так и внутри в некоторых местах отпала штукатурка, а на потолке есть трещины и требуется... перемена железной крыши, так как в нее проходит течь. Кроме того требуется перекладка двух печей. На все исправления с окраской наружных стен потребуется не менее как 3 000 рублей»²⁶. Оренбургское магометанское духовное собрание не смогло найти нужной суммы, но, несмотря на плохое состояние, мечеть Тевкелевых продолжала оставаться единственной соборной мечетью Терсинского прихода, в котором числилось более 1 000 человек.

Еще один памятник культово-религиозной архитектуры был построен на средства Павла Тевкелева в 1858 г. в деревне Варзи Елабужского уезда. К концу XIX в. мечеть также нуждалась в ремонте. «Приходская мечеть,

выстроенная господином Тевкелевым, в настоящее время пришла в старость, как то через крышу как самой мечети, так и минарета, проходит дождевая вода, но стены мечети сохранились хорошо», – писали прихожане в Оренбургское магометанское духовное собрание²⁷.

Следует отметить, что строительство мечетей имело исключительное значение для жизни татарского населения, которое в городах и сельской местности объединялось в так называемые «махалли» (от арабского – занимать место, поселяться) – общины, представлявшие собой замкнутый мир, внутренняя жизнь которого регламентировалась правилами Шариата. Мечеть являлась социальным ядром любой махалли. Она выполняла не только религиозные, но и культурные, просветительские и коммуникативные функции.

Татарское дворянство Вятской губернии жертвовало средства на поддержание национальной системы образования. Один из таких примеров связан с именем помещицы Хадичи Юсуповны Еникеевой, которая оказывала материальную помощь известному медресе братьев Буби в Сарапульском уезде. В 1908 г. дворянка направила в Оренбургское магометанское духовное собрание заявление с просьбой разрешить ей обратить в вакуф в пользу медресе 122 десятины земли «с находящимися на ней всеми постройками и мельницей». В качестве условий пожертвования Х. Ю. Еникеева оставляла за собой право чтобы: «1) вышесказанным, обращенным в вакуф именем, заведовали я сама, муж мой Омар Сулейманович Еникеев и мать моя Шарифа Гареевна Юнусова до конца их жизни; 2) вышесказанные три лица пользовались всеми доходами от этого вакуфного имения до конца их жизни; 3) после смерти вышесказанных трех лиц, вакуфное имущество поручилось попечительству десяти выборных лиц из достойных мусульман, заинтересованных в существовании сказанного медресе; 4) контроль над приходами и расходами сего вакуфного имущества принадлежал Мусульманскому духовному правлению»²⁸.

Таким образом, общественная деятельность и благотворительность являлись важными факторами, формирующими социальный облик татарского дворянства Вятской губернии. На характер и степень проявления гражданской активности представителей привилегированного сословия влияли процессы, протекавшие во внутренней жизни России и ее тюрко-мусульманского населения, а также основные тенденции развития Вятской губернии на рубеже XIX-XX вв. По этой причине татарское дворянство тесно контактировало с органами местного самоуправления и властью. В то же время оно выступало проводником и защитником интересов представителей своей национальности. Эта позиция, свидетельствовавшая о росте гражданского самосознания, патриотизме, развитом чувстве долга и ответственности, одновременно определяла общий характер взаимодействия татарского населения региона с властями, направляя его в позитивное русло.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Бородин А. П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. – 1993. – № 9. – С. 33-44; Буганов В. И. Российское дворянство // Вопросы истории. – 1994. – № 1. – С. 29-41; Пушкирова И. М. Сельская дворянская усадьба в преобразованной России // Отечественная история. – 1999. – № 4. – С. 14-31; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.: исторические очерки. – М., 2001; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – СПб., 2003. – Т. 1; Юдин Е. Е. Хозяйство князей Юсуповых в 1890–1914 гг. // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 32-48.
2. На сегодняшний день в научной литературе частично рассмотрены проблемы взаимоотношений центральной власти и национального дворянства западных регионов. История привилегированного сословия также изучена на материалах Казанской губернии: Миронова Е. В. Дворянское самоуправление Казанской губернии в 1861-1917 гг. – Казань, 2013. –

- 236 с.; Шполер Д. Польское дворянство и крестьянский вопрос в XIX в. // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 106-113; Андреева Н. С. Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 103-111; Двоеносова Г. Татарское дворянство Казанской губернии (вторая половина XVI-XVII вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С. 39-53; Двоеносова Г. Татарское дворянство Казанской губернии (вторая половина XVII-XVIII вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1999. – № 1/2. – С. 26-32; Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства // Аргамак. – 1995. – № 9. – С. 183-187.
3. Приложения ко всеподданнейшему отчету Вятского губернатора за 1870 год. – Вятка, 1871. – С. 3; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года / Под ред. Н. А. Тройницкого. – М., 1904. – С. 2.
4. Журналы заседаний Елабужского уездного земского собрания за 1894 г. – Вятка, 1895. – С. 88, 89.
5. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО), ф. 587, оп. 13, д. 13, л. 130-130 об.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. 991, оп. 2, д. 327, л. 1.
7. Журналы заседаний Елабужского уездного земского собрания за 1888 г. – Вятка, 1889. – С. 280.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 3, д. 222, л. 55.
9. Подробнее об этом см.: Машковцев А. А. Вятские мусульмане и государство в их взаимоотношениях в 90-е гг. XIX в. – 1917 г. // Из истории Вятского края конца XIX – первой половины XX в.: сб. научных статей. – Киров, 1998. – С. 3-15.
10. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802-1902. – СПб., 1901. – С. 153.
11. Арапов Д. Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 135.
12. Подробнее см.: Машковцев А. А. Кадимизм и вятские мусульмане в 1907-1917 гг. // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: материалы междунар. науч. конф. – Киров, 1996. – Т. 1. – С. 322-329.
13. Журналы заседаний Елабужского уездного земского собрания за 1896 г. – Вятка, 1897. – С. 45.
14. Журналы Елабужского уездного земского собрания за 1907 г. – Елабуга, 1908. – С. 387.
15. Журналы заседаний Елабужского уездного земского собрания за 1896 г... – С. 46.
16. Журналы Елабужского уездного земского собрания за 1908 г. – Елабуга, 1909. – С. 166.
17. По данным на 1908 г., в Елабужском уезде функционировало 13 медресе и мектебе, а к 1917 г. уже 41 (см.: Журналы Елабужского уездного земского собрания за 1908 г. – Елабуга, 1909. – С. 166; Валеева Н. Г. Елабужское земство и Россия. – М., 2002. – С. 52).
18. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятные книжки и календарь Вятской губернии на 1896 г. – Вятка, 1897. – С. 40; Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятные книжки и календарь Вятской губернии на 1899 г. – Вятка, 1900. – С. 45; Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятные книжки и календарь Вятской губернии на 1907 г. – Вятка, 1908. – С. 47, 48; Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятные книжки и календарь Вятской губернии на 1915 г. – Вятка, 1916. – С. 124.
19. В силу ряда объективных и субъективных причин высшие женские медицинские курсы в Казани были открыты в только в 1917 г. (см.: Журналы Елабужского уездного земского собрания за 1909 г. – Елабуга, 1910. – С. 36).
20. Машковцев А. А. Вятские мусульмане и государство в их взаимоотношениях ... – С. 13.
21. ЦГАКО, ф. 582, оп. 155, д. 37, л. 1.
22. РГИА, ф. 1278, оп. 1, д. 42, л. 17; д. 425, л. 5; ф. 1327, оп. 1, д. 141, л. 51 об.-52; д. 143, л. 144 об.; Мусульманские депутаты Государственной думы России, 1906-1917 годы: сборник документов и материалов. – Уфа, 1998. – С. 304-305; Четвериков Н. В. Несколько штрихов к портрету А. Ф. Керенского // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С. 139.
23. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), ф. И-295, оп. 3, д. 12355, л. 5 об.
24. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан: Административные районы. – Казань, 1999. – Т. 1. – С. 15, 16.
25. ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 3905, л. 15.

26. Там же, л. 15 об.
27. Там же, оп. 3, д. 14454, л. 2-2 об.
28. Там же, оп. 6, д. 2027, л. 1.

Список литературы

- Андреева Н. С. Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 103-111.
- Арапов Д. Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 132-137.
- Бородин А. П. Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. – 1993. – № 9. – С. 33-44.
- Буганов В. И. Российское дворянство // Вопросы истории. – 1994. – № 1. – С. 29-41.
- Валеева Н. Г. Елабужское земство и Россия. – М., 2002. – 239 с.
- Двоеновсова Г. Татарское дворянство Казанской губернии (вторая половина XVII-XVIII вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1999. – № 1/2. – С. 26-32.
- Двоеновсова Г. Татарское дворянство Казанской губернии (вторая половина XVI-XVII вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1997. – № 1/2. – С. 39-53.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – СПб., 2003. – Т. 1.
- Миронова Е. В. Дворянское самоуправление Казанской губернии в 1861–1917 гг. – Казань, 2013. – 236 с.
- Мусульманские депутаты Государственной думы России, 1906–1917 годы: сборник документов и материалов. – Уфа, 1998. – 384 с.
- Пушкирова И. М. Сельская дворянская усадьба в преобразованной России // Отечественная история. – 1999. – № 4. – С. 14-31.
- Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан: Административные районы. – Казань, 1999. – Т. 1. – 460 с.
- Четвериков Н. В. Несколько штрихов к портрету А. Ф. Керенского // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С. 135-144.
- Шполер Д. Польское дворянство и крестьянский вопрос в XIX в. // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 106-113.
- Юдин Е. Е. Хозяйство князей Юсуповых в 1890-1914 гг. // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 32-48.
- References**
- Andreeva N. S. *Pribaltiysko-nemetskoe dvoryanstvo i politika rossiyskogo pravitelstva v nachale XX v.* [The Baltic-German nobility and the policy of the Russian government at the beginning of the 20th century]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2008, no. 1, pp. 103-111.
- Arapov D. Yu. *Musulmanskiy mir v восприятии верхов Rossiyskoy imperii* [The Muslim world in the perception by the leaders of the Russian Empire]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2005, no. 4, pp. 132-137.
- Borodin A. P. *Obedinennoe dvoryanstvo i agrarnaya reforma* [The United Nobility and Agrarian Reform]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of History], 1993, no. 9, pp. 33-44.
- Buganov V. I. *Rossiyskoe dvoryanstvo* [Russian nobility]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of History], 1994, no. 1, pp. 29-41.
- Valeeva N. G. *Elabuzhskoe zemstvo i Rossiya* [Elabuga zemstvo and Russia]. Moscow, 2002, 239 p.
- Dvoenosova G. *Tatarskoe dvoryanstvo Kazanskoy gubernii (vtoraya polovina XVII–XVIII vv.)* [Tatar nobility of the Kazan province (second half of the XVII-XVIII century)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 1999, no. 1/2, pp. 26-32.
- Dvoenosova G. *Tatarskoe dvoryanstvo Kazanskoy gubernii (vtoraya polovina XVI-XVII vv.)* [Tatar nobility of the Kazan province (second half of the XVI-XVII century)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 1997, no. 1/2, pp. 39-53.
- Mironov B. N. *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): V 2 t.* [Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century). In 2 vol.]. St. Petersburg, 2003, vol. 1.

Mironova E. V. *Dvoryanskoe samoupravlenie Kazanskoy gubernii v 1861-1917 gg.* [The noble self-government of the Kazan province in 1861-1917]. Kazan, 2013, 236 p.

Musulmanskie deputaty Gosudarstvennoy dumy Rossii, 1906-1917 gody: sbornik dokumentov i materialov [Muslim deputies of the State Duma of Russia, 1906-1917: a collection of documents and materials]. Ufa, 1998, 384 p.

Pushkareva I. M. *Selskaya dvoryanskaya usadba v poreformennoy Rossii* [Rural noble estate in post-reform Russia]. IN: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 1999, no. 4, pp. 14-31.

Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Tatarstan: Administrativnye rayony [Collection of historical and cultural monuments of the Republic of Tatarstan: Administrative Districts]. Kazan, 1999, vol. 1, 460 p.

Chetverikov N. V. *Neskolko shtrikhov k portretu A. F. Kerenskogo* [A few strokes to the portrait of A. F. Kerensky]. IN: *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2001, no. 6, pp. 135-144.

Shpoler D. *Pol'skoe dvoryanstvo i krestyanskiy vopros v XIX v.* [Polish nobility and peasant question in the XIX century]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2008, no. 2, pp. 106-113.

Yudin E. E. *Khozyaystvo knyazey Yusupovykh v 1890-1914 gg.* [Economy of the princes of the Yusupovs in 1890-1914]. IN: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2008, no. 4, pp. 32-48.

Сведения об авторе

Рафиков Азат МиннегазовиЧ, кандидат исторических наук, доцент Набережночелнинского государственного педагогического университета, e-mail: rafazat@yandex.ru

About the author

Azat M. Rafikov, Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, e-mail: rafazat@yandex.ru

В редакцию статья поступила 22.09.2023, опубликована:

Рафиков А. М. Общественная и благотворительная деятельность татарского дворянства Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 4. – С. 166-177.

Submitted on 22.09.2023, published:

Rafikov A. M. *Obshchestvennaya i blagotvoritel'naya deyatel'nost' tatarskogo dvoryanstva Vyatskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [Social and charitable activities of the Tatar nobility of Vyatka province in the late XIX – early XX century]. IN: *Gasyrlar avazy – Echo vekov* [Echo of centuries], 2023, no. 4, pp. 166-177.